

нувшая, но даже обострившаяся, — признак постоянного присутствия в бытии смерти.

Смерть сестренки Нади дает два новых существенных представления о смерти: о том, что и я смертен, и о том, что в смерти есть телесность, «вещественность». Телесность — в «лиловой черноте» губок. Отметим этот цвет — лиловый.¹⁶ У Бунина этот редкий и изысканный цвет встречается очень часто и всегда в особом бытийном контексте. Именно «переходящая в лиловое синева» и дала Арсеньеву первое «глубочайшее чувство» «истинно-божественного смысла и значения земных и небесных красок» (6, 32). Бог — красота — природа — смерть — все сливается в ауре лилового цвета.

Следующий эпизод — смерть Писарева — занимает в концепции книги очень важное место. Этот эпизод сближается с главой «Смерть» из «Анны Карениной». Писарев, так же как и Николай Левин, — персонаж, находящийся вне основного сюжетного русла. Исключительная мера внимания к подробностям кончины таких персонажей свидетельствует о том, что обоих писателей занимала не смерть конкретного лица, а сам феномен смерти. Существенно и то, что впечатление от их смерти является важнейшим этапом во внутренней жизни главных героев — Арсеньева и Левина. Разница, и тоже существенная, — в том, что для Левина Николай — это любимый брат, а для Арсеньева Писарев — чужой человек. Смерть Писарева, таким образом, лишена того психологического и бытийного смысла, которым обладает *смерть близкого*, т. е. события, хотя и иного, но сотрясающего не меньше, чем *моя смерть*. Стало быть, эта смерть у Бунина имеет еще более выраженный феноменологический, а не психологический смысл, чем у Толстого. Для Бунина самое ужасное в явлении смерти — это неотвратимость *моей смерти*, а не *смерть любимого человека*. У него этот мотив почти отсутствует.

Одним из впечатлений, под которым находился Бунин, работая над «Жизнью Арсеньева», была «Книга о смерти» С. А. Андреевского. Галина Кузнецова записала: «...нашла „Книгу о смерти“ Андреевского и читала ее эти два дня. Многие в ней подчеркнута рукой И. А. Книга замечательная и написана местами с силой первоклассной».¹⁷ С. А. Андреевский — выдающийся русский юрист и незаурядная личность. Хотя, разумеется, его художественный дар с бунинским несоизмерим, эта книга во многом напоминает «Жизнь Арсеньева». Это тоже автобиография (в отличие от бунинской буквальная), в которой главное — внутреннее, духовное становление личности, но лишь в одном аспекте — встречи с феноменом смерти. Очень близки к Бунину два эпизода. Один — это смерть сестры Маши. Она вызвала те же чувства, что у Арсеньева смерть Нади, но, в отличие от Бунина, у автора преобладают не мысли о смерти и бессмертии и не мысли о *моей* собственной смерти, а глубочайшее горе — боль за Машу и величайшее недоумение: как же нам жить без Маши.¹⁸ Но второй эпизод — смерть дяди Родиона — тождествен смерти Писарева. Дядя Родион тоже далекий родственник, его смерть, не затронув сердца, всколыхнула все существо мальчика. Изображена эта смерть во всех своих натуралистических подробностях: «В верхней части этого ящика лежала непривычно бледная, желто-серая и какая-то скверная

¹⁶ Особая лейтмотивная роль лилового цвета отмечена в кандидатской диссертации О. А. Бердниковой «Концепция творческой личности в прозе И. А. Бунина» (Воронеж, 1992. С. 94).

¹⁷ Кузнецова Галина. Грасский дневник. М., 1995. С. 135.

¹⁸ См.: Андреевский С. А. Книга о смерти. Мысли и воспоминания. М.: Брокгауз—Ефрон, 1924. С. 82.